

ОДИССЕЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИТАКУ

БУРИ... БОГИ... ЧУДОВИЩА...
И ПУТЬ ЦАРЯ ДОМОЙ

ФАТИХ СЕЛАМЕТ

РОМАН

Fatih SELAMET

**ОДИССЕЙ:
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИТАКУ**

«Автор»

2026

SELAMET F.

**ОДИССЕЙ: ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИТАКУ / F. SELAMET —
«Автор», 2026**

После падения Трои царь Итаки Одиссей отправляется домой. Но путь, который должен был занять несколько недель, превращается в двадцатилетнее испытание. На его пути встретятся циклоп Полифем, волшебница Цирцея, сирены, Сцилла и Харибда, остров Гелиоса и гнев самого Посейдона. Потеряв корабли, друзей и почти всякую надежду, Одиссей понимает, что главное испытание — не победить чудовищ, а сохранить себя. Это современное художественное переосмысление великой «Одиссеи» Гомера — роман о мужестве, семье, цене славы и долгом пути домой. Для любителей исторического фэнтези, древнегреческой мифологии и эпических приключений.

© SELAMET F., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ПЕПЕЛ ТРОИ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	11
ЗЕМЛЯ ЗАБЫВШИХ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
ОДНОГЛАЗЫЙ ВЕЛИКАН	19
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	27
ПОВЕЛИТЕЛЬ ВЕТРОВ	28
ГЛАВА ПЯТАЯ	38
ГАВАНЬ ВЕЛИКАНОВ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Fatih SELAMET
ОДИССЕЙ: ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИТАКУ

ОДИССЕЙ

Возвращение на Итаку

Фатих Селамет

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕПЕЛ ТРОИ

Когда солнце поднялось над разрушенными стенами Трои, небо окрасилось в бледно-алые тона. Пожары, всю ночь тлевшие в разных частях города, ещё не угасли. Чёрный дым медленно поднимался к небесам, а утренний ветер нёс над полем боя запах обгоревшего дерева, пепла и морской соли.

Даже в ранний час воздух уже был жарким.

Одиссей чувствовал, как под доспехами собирается пот. Бронзовый нагрудник впитывал солнечный жар и с каждой минутой становился тяжелее. Капля пота скользнула со лба по покрытой пылью щеке. Он вытер лицо тыльной стороной ладони, но это почти не помогло. Доспехи, которые он носил десять лет, в то утро казались тяжелее, чем когда-либо.

Потому что война закончилась.

Гнев, страх и отчаянная воля к жизни, столько лет удерживавшие его на ногах, понемногу отступали. Оставалась только усталость.

Одиссей смотрел на стены Трои. Когда-то их считали неприступными, теперь же целые участки обрушились, а камни почернели от копоти. Огромные городские ворота были разбиты. На улицах лежали сломанные колесницы, брошенное оружие и обломки всего, что уцелело после войны.

Десять лет...

Он снова и снова повторял эти слова про себя.

Десять лет он просыпался на одном и том же берегу, смотрел на одни и те же стены и возвращался к одной и той же войне. За эти годы он потерял бесчисленное множество товарищей и не раз чудом избегал смерти. Когда Одиссей в последний раз видел сына, Телемах ещё лежал в пелёнках. Теперь он, должно быть, уже ходил, говорил и, возможно, был достаточно взрослым, чтобы держать меч.

Одиссей с трудом вспоминал его лицо.

Эта мысль причиняла боль сильнее любой раны, полученной в бою.

За спиной слышались шаги. Обернувшись, он увидел Эврилоха, одного из самых доверенных своих воинов. Волосы и борода мужчины были покрыты пылью, а часть доспеха на правом плече треснула.

— Корабли готовят, царь мой, — сказал Эврилох. — Люди переносят припасы. До полудня сможем выйти в море.

Одиссей посмотрел на ожидавшие вдали суда. Чёрные корпуса выстроились вдоль берега. Моряки несли в трюмы кувшины с водой, амфоры с вином и мешки с провизией. Одни проверяли паруса, другие раскладывали по бортам длинные вёсла.

На лицах воинов появилось выражение, которого не было много лет.

Надежда.

— Сколько людей у нас осталось? — спросил Одиссей.

Эврилох на мгновение умолк и опустил глаза.

— Намного меньше, чем было, когда мы отправлялись в путь.

Одиссей ожидал такого ответа, но всё равно услышать его было тяжело.

Когда корабли вышли из Итаки к Трое, они были полны молодых воинов. Многие впервые покидали родину. Они думали, что война будет короткой, что после победы вернутся домой с добычей. Но годы шли, молодые лица становились суровыми, а весёлые разговоры сменялись молчанием.

Некоторым уже никогда не суждено было вернуться.

Одиссей глубоко вдохнул.

— Живых мы доставим домой, — сказал он. — Чего бы это ни стоило.

Эврилох посмотрел на своего царя.

— Море велико, царь мой.

— Знаю.

— И мы не знаем, что приготовили для нас боги.

Взгляд Одиссея на мгновение поднялся к небу. Оно было безоблачным и спокойным. Но он знал: боги способны спрятать бурю даже за самым ясным небосводом.

— Боги могут поставить преграды на нашем пути, — произнёс он. — Но дорогу всё равно выбираем мы.

Эврилох склонил голову и отошёл.

Оставшись один, Одиссей медленно пошёл среди троянских развалин. Под ногой хрустнул обломок древка копья. Через несколько шагов он заметил на земле маленькую деревянную лошадку. Одна её нога была сломана, а поверхность покрыта пеплом.

Он наклонился и поднял игрушку.

Когда-то ею играл ребёнок. Возможно, он бегал по улицам города, взрослея и не понимая, что такое война. Теперь Одиссей не знал, где этот ребёнок.

Издавека победа сияла.

Вблизи она почти всегда означала лишь утрату.

Одиссей положил игрушку на камень и направился к берегу.

Солнце поднималось всё выше, и жара усиливалась. Прибрежный песок обжигал ступни. Воины прятались в тени кораблей и по очереди пили из кувшинов. Некоторые переносили на суда добычу из Трои: золотые чаши, расшитые ткани и драгоценное оружие исчезали в тёмных трюмах.

Но Одиссею не была нужна никакая добыча.

Он хотел только Итаку.

Он скучал по её скалистым берегам, оливковым рощам и морю, видневшемуся из окон дворца. Вспоминал утренние голоса во внутреннем дворе, спокойную речь Пенелопы и лица своего народа.

Больше всего он думал о Пенелопе.

Он до сих пор помнил их последнюю ночь перед отплытием. Пенелопа не просила его остаться. Она понимала долг царя и воина. Но в её глазах жил страх, который она не могла высказать.

— Ты вернёшься? — спросила она.

Одиссей взял её за руки.

— Даже если моря высохнут, а горы сдвинутся с места, я вернусь.

Тогда он ещё не знал, насколько тяжёлым окажется это обещание.

Теперь эти слова снова звучали у него в ушах.

Он вернётся.

Должен вернуться.

К полудню приготовления завершились. Воины поднялись на корабли. Канаты отвязали, вёсла опустили в воду. На берегу военачальники в последний раз окликали друг друга. Люди, много лет сражавшиеся плечом к плечу, теперь должны были разойтись в разные стороны.

Некоторые достигнут дома.

Другие исчезнут в море.

Одиссей поднялся на нос своего корабля. Его люди сидели на местах, положив ладони на рукояти вёсел. Все смотрели на царя.

Несколько мгновений он молчал. Перед ним стояли не просто измученные войной бойцы, а отцы, сыновья и братья, покинувшие дома, доверившись ему.

— Братья! — громко произнёс Одиссей.

Шум на берегу стих.

— Десять лет мы сражались вместе. Вместе переносили голод, страх и смерть. Сегодня мы покидаем Трои победителями. Но наша настоящая задача ещё не завершена.

Люди слушали молча.

— Победа станет полной лишь тогда, когда мы вернёмся домой. Нас ждут матери, жёны и дети. Что бы ни послало нам море, мы доберёмся до Итаки, не оставив никого позади!

Один из воинов поднял весло.

— Итака! — крикнул он.

Остальные подхватили:

— Итака! Итака!

Их голоса прокатились вдоль берега.

Одиссей поднял руку.

— Поднять паруса!

Толстые канаты освободили. Большой парус наполнился ветром. Вёсла одновременно вошли в воду, и корабль медленно отошёл от берега.

Одиссей обернулся и в последний раз посмотрел на Трои.

Город становился всё меньше за завесой дыма. Берег, на котором прошли годы его жизни, превратился в бледную тень на горизонте. Несколько воинов радостно кричали, другие сидели молча, думая о товарищах, оставшихся позади.

Поначалу море было спокойно.

Вода отражала синеву неба, а солнечные блики рассыпались по волнам золотыми осколками. Чайки кружили вокруг кораблей, дальний ветер наполнял паруса.

Шли часы, и Троя окончательно скрылась из виду.

Одиссей в одиночестве стоял на носу корабля. Ветер отбрасывал волосы назад, прохлада моря понемногу сушила пот под доспехами. Впервые за долгие годы он почувствовал, что тяжесть на плечах стала чуть легче.

Эврилох подошёл к нему.

— Если ветер не переменится, мы скоро достигнем Итаки.

Одиссей едва заметно улыбнулся.

— Возможно, боги наконец проявят милость.

В тот же миг в далёком уголке неба появилась тонкая тёмная туча.

Она была такой маленькой, что никто на кораблях не обратил на неё внимания.

Но в глубинах моря пробуждалось нечто иное.

В своём тёмном дворце под волнами повелитель морей Посейдон чувствовал движение человеческих кораблей. Великий бог сжал трезубец, и в его глазах таился гнев, глубокий, как само море.

Одиссей ещё ничего об этом не знал.

Он не знал и того, что путь, отделявший его от дома, растянется не на несколько недель.

Он не знал, что встретит великанов, колдуний и смертельных чудовищ. Что будет терять друзей одного за другим и проведёт годы на безымянных островах.

В тот миг он знал лишь одно: его корабль идёт на восток, а дом ждёт его за морем.

Когда солнце начало клониться к горизонту, небо стало оранжевым. Гребцы замедлили ритм. Одни растянулись на палубе, другие говорили о том, что сделают первым делом, вернувшись на Итаку.

Кто-то признался, что скучает по хлебу, который пекла его мать.

Другой сказал, что посадит сына на плечи и пройдёт с ним по всему городу.

С наступлением темноты над кораблём зазвучал смех.

Одиссей слушал, но не вмешивался.

Он открыл маленький мешочек, висевший у него на шее. Внутри лежал кусочек тонкой ткани, сотканной Пенелопой. Одиссей сжал его пальцами и закрыл глаза.

— Я иду, — прошептал он. — Подожди ещё немного.
В ту ночь звёзды сияли особенно ярко.
Море было спокойно, ветер мягок.
Но тёмная туча на горизонте продолжала расти.
И возвращение Одиссея домой только начиналось.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ

Следующая глава: Земля забывших

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗЕМЛЯ ЗАБЫВШИХ

Всю ночь море оставалось спокойным.

Корабли Одиссея медленно скользили по тёмной воде под лунным светом. Ветер мягко наполнял паруса, волны были невысокими. Впервые за много дней воины смогли заснуть без страха.

Но перед рассветом погода начала меняться.

Сначала стих ветер.

Затем над морем повисла тяжёлая, жаркая тишина. Паруса обмякли у мачт, и людям пришлось взяться за вёсла. Их тяжёлое дыхание смешивалось с ровным плеском лопастей о воду.

Когда взошло солнце, жара быстро усилилась.

На небе не было ни единого облака. Солнечный свет отражался от поверхности моря и слепил глаза воинов. Бронзовые доспехи раскалились настолько, что многим пришлось их снять. Пот непрерывно стекал по лицам и спинам.

Одиссей тоже сбросил плащ с плеч и положил его у борта. Вытер лоб и внимательно оглядел горизонт.

С тех пор как они покинули Трою, прошло несколько дней. Пока им не встретилось серьёзной опасности, но запасы пищи уменьшались, а кувшины с водой становились всё легче. Некоторые уже понимали, что дорога домой окажется длиннее, чем они надеялись.

Эврилох поднялся со своего места в тени и подошёл к Одиссею.

— Люди устали, — сказал он. — В такую жару они долго не выдержат за вёслами.

Одиссей кивнул.

— Знаю.

— И воды становится всё меньше.

Одиссей посмотрел на кувшины в кормовой части корабля. Люди, отвечавшие за запасы, раздавали воду осторожно, не позволяя никому получить больше положенного.

— Если до полудня не увидим земли, придётся перераспределить припасы, — сказал он.

Эврилох уже собирался ответить, когда дозорный на носу корабля закричал:

— Земля!

Все головы одновременно повернулись к горизонту.

Горячий воздух дрожал над морем. Поначалу вдаль виднелась лишь тёмная полоска, но по мере приближения кораблей она превратилась в зелёный остров. Вдоль берега тянулся белый песок, а в глубине поднимались высокие деревья.

Измученные воины радостно вскочили.

— Быстрее гребите! — приказал Одиссей.

Корабли вошли в тихую бухту. У берега вода была настолько прозрачной, что сквозь неё виднелись камни на дне и маленькие рыбы. Из-за деревьев доносилось пение птиц, а лёгкий ветер приносил к морю сладкий аромат цветов.

Это место совсем не походило на разорённые земли Трои.

После дыма, крови и грохота войны остров казался воротами в иной мир.

Когда корабли коснулись песка, люди бросились на берег. Одни опустились на колени, другие вошли прямо в море, чтобы умыться. Несколько воинов легли в тени деревьев и закрыли глаза.

Одиссей не позволил себе отдыхать.

Едва ступив на берег, он внимательно осмотрел окрестности. На песке были человеческие следы. Вдалеке между деревьями поднимались тонкие струйки дыма.

Остров не был необитаем.

Эврилох тоже заметил следы.

— Здесь кто-то живёт.

— Да.

— Они могут быть врагами.

— А могут дать нам воду и пищу.

Одиссей велел части воинов остаться у кораблей и нести стражу. Затем выбрал троих.

— Идите в глубь острова, — сказал он. — Найдите местных жителей. Скажите, что мы пришли с миром и хотим купить припасы. Ничего не трогайте и вернитесь до темноты.

Воины взяли мечи и скрылись среди деревьев.

Одиссей смотрел им вслед.

Внутри росло едва заметное беспокойство.

На острове не было ничего угрожающего: ни вооружённых людей, ни высоких стен. И всё же покой вокруг казался ему неестественным. Птицы пели, листья тихо шевелились, волны мягко накатывали на берег.

Всё было слишком безмятежно.

Словно остров намеренно старался усыпить бдительность пришельцев.

Полдень миновал.

Солнце достигло высшей точки, а посланные воины всё не возвращались.

Эврилох подошёл к Одиссею.

— Они задерживаются.

— Подождём ещё немного.

— Возможно, с ними что-то случилось.

Одиссей не сводил глаз с леса. Он приказал им вернуться до наступления темноты, но простое поручение не должно было занять столько времени.

Через некоторое время он указал на нескольких воинов.

— Со мной.

Одиссей, Эврилох и шестеро бойцов вошли под сень деревьев. В лесу жара ослабела. Земля была мягкой и влажной. Вокруг цвели растения таких оттенков, каких они никогда прежде не видели.

Чем дальше они шли, тем сильнее становился аромат.

Он был сладким, напоминал мёд и спелые плоды. Каждый вдох приносил странное умиротворение, а веки становились тяжёлыми.

Эврилох глубоко вдохнул.

— Необычный запах.

— Старайтесь не дышать слишком глубоко, — предупредил Одиссей.

Вскоре среди деревьев они нашли брошенные копья. Они принадлежали пропавшим воинам.

Одиссей мгновенно обнажил меч.

Остальные тоже приготовили оружие.

Однако вокруг не было никаких следов борьбы: ни крови, ни сломанных ветвей, ни борозд от волочившихся тел. Казалось, хозяева сами оставили копья на земле.

Они прошли ещё немного и услышали человеческие голоса.

Смех.

Одиссей знаком велел всем соблюдать тишину. Они раздвинули кусты и вышли к небольшой поляне.

Там жили люди лотоса.

На них были лёгкие одежды из светлой ткани, в волосах — цветы. Одни сидели в тени деревьев, другие медленно танцевали. На их лицах застыло спокойное, почти сонное выражение.

Никто не носил оружия.

На каменных столах лежали фрукты, хлеб и другая пища. Но сильнее всего внимание привлекали светлые цветы размером с ладонь.

Лотосы.

Одиссей увидел и троих пропавших воинов.

Они сидели под деревом, смеялись вместе с островитянами, сняв оружие и доспехи. В руках у них были лотосы, которые они ели.

Одиссей с облегчением опустил меч.

— На них не напали, — сказал Эврилох.

— Пока я в этом не уверен.

Одиссей вышел на поляну.

Островитяне не испугались. К нему с улыбкой приблизился старик. Его лицо было покрыто глубокими морщинами, но глаза оставались спокойными, как у ребёнка.

— Добро пожаловать, — сказал он.

Одиссей удивился: старик говорил на их языке.

— Мы пришли с Итаки, — ответил Одиссей. — Возвращаемся из Трои. Я пришёл забрать своих людей.

Старик повернул голову в сторону воинов.

— Им здесь хорошо.

Одиссей посмотрел на них.

— Время вышло. Мы возвращаемся к кораблям.

Никто не ответил.

Один из них, Леод, много лет сражавшийся рядом с Одиссеем, отломил кусочек лотоса и положил в рот.

— Царь мой, — сказал он с улыбкой, — нам следует остаться здесь.

Сначала Одиссей решил, что тот шутит.

— Нас ждут корабли.

— Пусть ждут.

Лицо Одиссея стало суровым.

— Нас ждёт Итака.

Леод посмотрел на него пустыми глазами.

— Итака?

— Твой дом.

Воин задумался на несколько мгновений, затем пожал плечами.

— Я больше не помню своего дома.

От этих слов по спине Одиссея прошёл холод.

Двое других были в таком же состоянии. Казалось, они забыли семьи, войну и дорогу домой. Для них существовали лишь лотосы, лежавшие перед ними.

Одиссей опустился на колени и забрал цветок из руки Леода.

— Почему ты не хочешь возвращаться?

Леод безмятежно улыбнулся.

— Потому что здесь нет боли.

— А что будет с твоей семьёй?

— Не знаю.

— Тебя ждут люди.

— Ожидание тоже причиняет боль, царь мой. Когда ешь лотос, никого не тоскуешь.

Одиссей посмотрел на цветок.

Он был прекрасен. Лепестки едва мерцали на солнце, распространяя сладкий аромат. Говорили, что одного кусочка достаточно, чтобы забыть всю боль, все потери и страхи.

На мгновение Одиссей вспомнил собственные страдания.

Перед глазами вновь возникли десять лет войны: погибшие друзья, крики по ночам, мучительная тоска по Пенелопе.

Как легко было бы забыть всё это.

Всего один кусочек.

Он невольно поднёс цветок ближе к губам.

И тогда вспомнил лицо Телемаха.

Даже то, что он уже с трудом представлял сына, причиняло ему боль. Полностью забыть мальчика ради одного цветка означало отказаться от желания вернуться домой.

Одиссей бросил лотос на землю.

— Это не покой, — сказал он. — Это ловушка.

Улыбка старика не изменилась.

— Здесь нет стен, удерживающих людей.

— Они вам не нужны, — ответил Одиссей. — Вы отнимаете у людей их прошлое.

Старик промолчал.

Одиссей повернулся к своим воинам.

— Поднимите их.

Леод начал сопротивляться.

— Нет! Я не хочу уходить!

Двое воинов схватили его за руки. Остальные тоже кричали и пытались вырваться. Люди лотоса молча наблюдали. Никто не напал и не попытался их остановить.

Это тревожило Одиссея ещё сильнее.

Казалось, островитяне знали, что уведённые однажды всё равно захотят вернуться.

Пока Леода тащили через лес, он умолял:

— Царь мой, оставь нас! Зачем нам возвращаться? Что ждёт нас дома, кроме боли?

Одиссей остановился.

— Потому что лучше испытывать боль, чем забыть, кто ты.

Леод заплакал.

— Но я счастлив здесь.

— Ты уже не понимаешь, что именно делает тебя счастливым.

По дороге к берегу крики воинов продолжались, но постепенно слабели. Чистый морской воздух вытеснял аромат цветов.

Когда показались корабли, Одиссей крикнул стражникам:

— Готовьте канаты!

Люди на берегу удивлённо бросились навстречу.

Троих вкусивших лотос подняли на корабль и привязали под рядами гребцов. Одиссей велел крепко связать им руки и ноги.

Эврилох нахмурился.

— Мы свяжем собственных людей?

— Да. Пока они не придут в себя.

Леод метался на палубе.

— Верните меня! Прошу! Я хочу попробовать ещё хотя бы раз!

Одиссей не ответил.

Воины с других кораблей с любопытством наблюдали за происходящим. Некоторые смотрели на деревья у берега и чувствовали сладкий аромат, ещё остававшийся в воздухе.

Одиссей немедленно созвал всех командиров.

— Никто не ступит на остров, — объявил он. — Цветы, которые там растут, заставляют людей забыть дом, семью и долг.

Воины зашептались.

— Поднять паруса, — приказал Одиссей. — Уходим немедленно.

Некоторые начали возражать.

— Но мы ещё не набрали воды.

— Найдём другой берег.

— У нас мало еды.

— Если останемся, случится нечто хуже голода.

Услышав решимость в голосе царя, люди подчинились. Канаты отвязали, вёсла опустили в воду. Корабли медленно отошли от берега.

Люди лотоса собрались у воды.

Они не бросали камней и не пытались остановить корабли. Лишь молча махали руками. Некоторые поднимали над головой цветы.

По мере удаления аромат слабел.

Крики Леода тоже постепенно стихли. Вскоре он закрыл глаза и уснул от изнеможения.

На закате остров превратился в зелёную полосу на горизонте.

Одиссей сидел в кормовой части корабля и наблюдал за связанными воинами. Безмятежность понемногу исчезала с их лиц. Брови хмурились, во сне они произносили неразборчивые слова.

Эврилох подошёл к нему.

— Ты спас их.

Одиссей посмотрел на море.

— Пока не знаю.

— По крайней мере, ты увёз их с острова.

— Их тела — да. Вернутся ли их мысли, покажет время.

Некоторое время они молчали.

Небо окрасилось в багряные и фиолетовые оттенки. Закат над морем делал далёкий остров ещё прекраснее.

Эврилох посмотрел на удаляющийся берег.

— Тебе не хотелось узнать, каков лотос на вкус?

Одиссей долго не отвечал.

— Хотелось.

— Почему же ты не попробовал?

— Я боялся забыть дорогу домой.

Эврилох тихо усмехнулся.

— Ты никогда не забудешь Итаку.

Одиссей не улыбнулся.

— Каждый человек способен что-нибудь забыть.

Когда наступила ночь, ветер снова усилился. Паруса наполнились, и корабли двинулись в тёмное море.

Через несколько часов Леод проснулся.

Сначала он растерянно огляделся. Увидев связанные руки, попытался приподняться.

— Царь мой?

Одиссей подошёл к нему.

— Почему меня связали?

— Разве ты не помнишь?

Леод закрыл глаза. После долгого молчания его лицо изменилось.

— Остров... — прошептал он. — Там были цветы.

— Что ещё?

— Я ничего не чувствовал. Ни войны. Ни тоски по дому. Ни страха.

Одиссей опустил рядом и развязал узлы.

— А сейчас что ты чувствуешь?

Глаза Леода наполнились слезами.

— Я скучаю по матери.

Одиссей положил ладонь ему на плечо.

— Это хорошо.

Леод вытер слёзы.

— Как тоска может быть хорошей?

— Потому что именно она ведёт тебя домой.

Одиссей поднялся и посмотрел на звёзды. Моряки определяли путь по небесным знакам.

Впереди не было видно земли.

Но ближе к рассвету дозорный заметил вдали высокие тёмные скалы. Над ними поднимался дым, а у берега чернели входы в огромные пещеры.

Одиссей внимательно смотрел на приближающийся остров.

На этот раз не было ни птичьего пения, ни сладкого запаха цветов.

Слышался лишь грохот сильных волн, разбивавшихся о скалы.

И вдруг среди гор разнёсся рёв — слишком глубокий, чтобы принадлежать человеку.

Гребцы замерли.

Эврилох повернулся к Одиссею.

— Что это было?

Одиссей не отрывал взгляда от мрачного берега.

— Не знаю, — сказал он. — Но скоро узнаем.

Корабли приближались к острову, где жили одноглазые великаны.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ГЛАВЫ

Следующая глава: Одноглазый великан

ГЛАВА ТРЕТЯ

ОДНОГЛАЗЫЙ ВЕЛИКАН

Первые лучи рассвета медленно рассеивали туман над морем, пока корабли Одиссея приближались к острову, окружённому мрачными скалами.

Берег совсем не походил на предыдущий остров.

Здесь не было ни белого песка, ни запаха цветов, ни спокойного пения птиц. Море с силой разбивалось о чёрные камни, а грохот волн отдавался эхом в узких бухтах. На высоких холмах росли искривлённые деревья, а между горами время от времени поднимался густой дым.

Тот глубокий рёв, который они слышали ночью, больше не повторялся.

Но никто о нём не забыл.

По мере приближения к берегу воины говорили всё меньше. Вёсла равномерно входили в воду и выходили из неё, а скрип корабельных досок в тишине казался особенно громким.

Эврилох стоял на носу корабля и внимательно разглядывал скалы.

— Похоже, здесь никто не живёт, — сказал он.

Одиссей покачал головой.

— Живёт.

— Откуда ты знаешь?

Одиссей указал на далёкий склон.

Между скалами двигалось большое стадо овец. За животными никого не было видно, однако они шли ровно, словно их направлял невидимый пастух.

— Здесь кто-то есть, — сказал Одиссей.

Эврилох посмотрел на стадо.

— Человек?

Одиссей не ответил.

Корабли бросили якорь в защищённой бухте между скалами. Первые воины, ступившие на берег, пошатнулись: после долгих дней в море твёрдая земля казалась непривычной. Некоторые сразу отправились искать пресную воду. Другие начали выгружать пустые кувшины и мешки для провизии.

Одиссей смотрел на холмы, возвышавшиеся в глубине острова.

Повсюду паслись козы и овцы. Животные не боялись людей и спокойно щипали траву совсем рядом. Земля казалась плодородной. Дикие виноградные лозы тянулись среди камней, а ветви плодовых деревьев склонялись под тяжестью плодов.

Многие воины успокоились.

— Мы можем отдохнуть здесь несколько дней, — сказал один из них.

Другой указал на деревья.

— И еды здесь достаточно.

Но Одиссей не терял осторожности.

Там, где было столько животных, должны были находиться пастухи или селения. Однако вокруг не было ни домов, ни человеческих голосов.

Лишь из глубины гор доносился неясный гул.

Одиссей приказал разбить лагерь на берегу. Разожгли костры, пойманных коз зажарили, а кувшины наполнили пресной водой. Воины, несколько дней не евшие досыта, наконец смогли утолить голод.

К вечеру стало прохладнее.

Солнце скрылось за каменными вершинами, и небо окрасилось в тёмно-красный цвет. Моряки собрались вокруг костров и заговорили о домах и дороге впереди.

Одиссей к ним не присоединился.

Он смотрел на большую гору за берегом.

Незадолго до заката на её склоне вспыхнул огонь. Рядом виднелся вход в огромную пещеру. Вокруг неё находились каменные загоны и сотни овец.

Любопытство Одиссея проснулось.

Он хотел узнать, кто владеет этим островом.

Эврилох проследил за его взглядом.

— Ты думаешь отправиться туда.

— Да.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Одиссей слегка улыбнулся.

— Ты никогда не считаешь мои идеи хорошими.

— Потому что твои хорошие идеи обычно приводят нас прямо в битву.

— Иногда нельзя понять опасность, не приблизившись к ней.

Эврилох нахмурился.

— А иногда, приблизившись, уже невозможно вернуться.

Одиссей смотрел на дым, поднимавшийся над пещерой.

— Утром я возьму двенадцать человек и пойду туда. Ты останешься здесь и будешь охранять корабли.

— Я иду с тобой.

— Кто-то должен остаться у берега.

Эврилох хотел возразить, но знал, что Одиссей не изменит решения.

В ту ночь Одиссей почти не спал.

Ветер проходил между скалами, издавая протяжный вой. Издалека доносился звон овечьих колокольчиков. Иногда казалось, будто земля едва заметно дрожит под тяжёлыми шагами, звучащими из глубины горы.

На рассвете Одиссей выбрал двенадцать человек.

Среди них был и Леод. После событий на острове лотофагов он хотел доказать, что снова достоин доверия. Сначала Одиссей не желал брать его с собой, но Леод настоял.

— Я больше не забуду свой долг, — сказал он.

Воины взяли мечи, копья и несколько мешков с едой. Одиссей приказал также принести тёмный мех с вином — одну из самых ценных вещей на корабле.

Это было необычное вино.

Жрец, живший неподалёку от Трои, подарил его Одиссею в знак благодарности. Оно было настолько крепким, что даже небольшое количество, выпитое без воды, могло опьянить человека.

Увидев мех, Эврилох удивился.

— Если мы встретим великана, ты предложишь ему вина?

Одиссей пожал плечами.

— Никогда не знаешь, когда оружие окажется полезным.

Отряд начал подниматься по каменистой тропе.

Солнце поднималось всё выше, и становилось жарко. Камни скользили под ногами, колючие кусты цеплялись за одежду. Дыхание воинов становилось тяжёлым. Под доспехами они обливались потом и время от времени останавливались, чтобы выпить воды.

Через несколько часов они добрались до равнины перед огромной пещерой.

Вблизи она казалась ещё больше. Вход был выше ворот дворца. Каменные стены загонів вокруг были сложены из глыб, которые обычные люди не смогли бы даже сдвинуть.

Внутри загонів находились сотни овец и коз.

Некоторые животные, увидев Одиссея и его людей, беспокоились, но не убежали.

Перед пещерой стояли огромные корзины, толстые дубины и сосуды выше человеческого роста.

Леод остановился рядом с одним из следов на земле.

Он был больше боевого щита.

— Это оставил не человек, — сказал он.

Одиссей присел и осмотрел след.

— Нет.

Один из воинов предложил вернуться.

— Царь мой, уйдём, пока хозяин не пришёл. Возьмём несколько овец и вернёмся к кораблям.

Другой поддержал его:

— Я не хочу встречаться с существом, которое оставляет такие следы.

Одиссей посмотрел в тёмный вход пещеры.

— Мы проделали весь этот путь. Не уйдём, пока не узнаем, кто здесь живёт.

Воины тревожно переглянулись.

Когда они вошли внутрь, воздух сразу стал холоднее. Жаркое солнце осталось позади, уступив место сырой, тяжёлой темноте. Со стен капала вода, а воздух был наполнен запахом животных.

Через некоторое время глаза привыкли к мраку.

В пещере лежали огромные круги сыра, стояли сосуды с молоком и деревянные полки. Некоторые кувшины были настолько велики, что двое мужчин не смогли бы их поднять. В одном углу находились новорождённые ягнята, в другом — козы.

Страх воинов сменился изумлением.

— Здесь еды на целый год, — сказал Леод.

Один из людей попытался поднять большой круг сыра, но тот даже не сдвинулся.

— Возьмём немного и уйдём, — предложил он. — Мы успеем добраться до берега до возвращения хозяина.

Почти все согласились.

Но Одиссей продолжал осматривать глубину пещеры.

— Нет, — сказал он.

Леод повернулся к нему.

— Почему?

— Мы не прикоснёмся к имуществу, не встретив хозяина.

— А если он не обрадуется гостям?

— Причинять вред гостю запрещают законы богов.

Леод указал на огромные предметы вокруг.

— Ты уверен, что тот, кто живёт здесь, чтит законы богов?

Одиссей не успел ответить.

Снаружи послышался звон овечьих колокольчиков.

Затем раздались тяжёлые шаги.

С каждым шагом пол пещеры содрогался.

Воины мгновенно замолчали.

Одиссей отвёл их в тёмную часть пещеры.

— Приготовьте оружие, — прошептал он. — Но не нападайте без моего приказа.

Шаги становились всё ближе.

Сначала вход в пещеру заслонила огромная тень.

Затем существо вошло внутрь.

Увидев его, люди затаили дыхание.

Он был по меньшей мере втрое выше обычного человека. Плечи были настолько широкими, что при входе ему пришлось пригнуться. На нём была грубая одежда из звериных шкур. Длинные волосы и борода спутались, образуя вокруг лица густую гриву.

Но страшнее всего был единственный огромный глаз посреди лба.

Существо несло за спиной большую корзину с дровами. Когда оно бросило её на землю, пещера содрогнулась. Затем великан загнал внутрь овец и подошёл ко входу.

Люди Одиссея уже собирались бежать.

Но было поздно.

Великан протянул руки к огромному валуну, лежавшему у входа. Камень, который не смогли бы сдвинуть несколько человек, он легко поднял и поставил перед пещерой.

Дневной свет мгновенно исчез.

Пещера погрузилась во тьму.

Великан бросил дрова в огонь. Пламя взметнулось, и его лицо осветилось оранжевым светом.

Единственный глаз медленно осмотрел пещеру.

Затем он увидел Одиссея и его людей.

— Кто вы такие? — прогремел он.

Голос ударился о стены и многократно отразился эхом.

Некоторые воины в страхе отступили.

Одиссей вышел вперёд.

— Мы ахейские воины, — сказал он. — Возвращаемся домой из Трои. Бури занесли нас к твоему берегу.

Великан наклонил голову и внимательно осмотрел их.

— Чего вы хотите от меня?

— Гостеприимства, — ответил Одиссей. — По законам богов чужеземцу полагаются пища и защита.

Великан некоторое время молчал.

А потом рассмеялся.

От его смеха с потолка посыпались мелкие камни.

— Боги? — произнёс он. — Я не боюсь богов.

Лицо Одиссея стало суровым.

— Зевс защищает гостей.

Великан наклонился ближе.

— Зевс здесь не живёт.

Его глаз блеснул в свете костра.

— Это моя пещера.

Одиссей понял, кто стоял перед ним.

Это был один из киклопов.

Одноглазые великаны жили среди гор. У них не было ни царей, ни законов. Каждый обитал в собственной пещере и верил лишь в свою силу.

— Как тебя зовут? — спросил Одиссей.

Великан расправил плечи.

— Я Полифем. Сын повелителя морей Посейдона.

Услышав имя Посейдона, Одиссей почувствовал растущую тревогу.

Полифем внезапно протянул руку и схватил двух воинов. Всё произошло так быстро, что никто не успел вмешаться. Крики мужчин разнеслись по пещере.

Одиссей выхватил меч, но остановился.

Великан стоял между ними и камнем, закрывавшим выход. Если они убьют его сейчас, никто не сможет сдвинуть валун. Они навсегда останутся заперты в пещере.

Одиссей подавил ярость и знаком велел людям отступить.

Полифему, казалось, нравился страх чужаков.

— Значит, вы пришли из Трои, — сказал он. — Где ваши корабли?

Одиссей сразу понял его намерение.

Если великан узнает, где стоят суда, то пойдёт к берегу и уничтожит их.

— Наш корабль разбился о скалы, — солгал Одиссей. — Выжили только мы.

Полифем прищурил единственный глаз.

— Возможно, ты лжёшь.

— Верить или нет — твоё дело.

Великан рассмеялся.

— Позже узнаю правду.

Полифем начал доить овец, словно совсем забыл о чужеземцах. Он наполнил молоком огромные сосуды, проверил сыры и лёг в углу пещеры.

Вскоре он захрапел.

При каждом вдохе пламя костра колебалось.

Люди тихо собрались вокруг Одиссея.

Леод прошептал:

— Убьём его сейчас.

Одиссей покачал головой.

— Если убьём, останемся за камнем.

— Утром он снова нападёт на нас.

— Знаю.

— Тогда что делать?

Одиссей посмотрел на валун у входа. Он был настолько велик, что никто, кроме Полифема, не смог бы его сдвинуть.

Затем он заметил огромную дубину великана.

Она была сделана из ствола молодой оливы. Древесина ещё не полностью высохла, а сама дубина была толщиной с корабельную мачту.

В голове Одиссея начал складываться план.

— Если хотим выжить, мы должны победить его не силой, а разумом, — сказал он.

Леод посмотрел на спящего великана.

— Как?

Одиссей не ответил.

Утром Полифем проснулся. Он отодвинул камень, выпустил часть овец наружу, а затем снова закрыл вход.

Одиссей и его люди остались внутри.

Уходя, великан засмеялся.

— Отдыхайте до вечера. Потом я снова утолю голод.

Когда камень встал на место, в пещере воцарились тьма и тишина.

Воины со страхом посмотрели на Одиссея.

— Каков твой план? — спросил Леод.

Одиссей указал на большую дубину.

Воины вместе отрубили от неё часть. Даже этот кусок был выше человеческого роста. Они заточили один конец мечами, а затем обожгли его над огнём, чтобы древесина стала твёрже.

Заострённый кол спрятали в тёмном углу пещеры.

Вечером Полифем вернулся.

Он загнал овец внутрь, закрыл вход и снова приблизился к пленникам.

На этот раз Одиссей не отступил.

В руке он держал мех с вином, привезённым из Трои.

— Полифем, — сказал он. — Я принёс тебе дар, чтобы ты запил свою пищу.

Великан подозрительно посмотрел на мех.

— Что это?

— Самое крепкое вино, какое умеют делать люди.
Полифем выхватил мех и сделал большой глоток.
Когда он почувствовал вкус, его глаз расширился.
— Дай ещё.
Одиссей снова протянул мех.
Великан выпил во второй раз.
Затем в третий.
Вскоре его движения стали медленными, а речь — неразборчивой.
— Этот напиток... — пробормотал он. — Лучше вина богов.
Одиссей сохранял спокойствие.
— Ты обещал мне подарок.
Полифем прислонился к стене и рассмеялся.
— Сначала назови своё имя.
Одиссей подождал несколько секунд.
— Моё имя — Никто.
Великан нахмурился.
— Никто?
— Да.
Полифем снова рассмеялся.
— Тогда вот мой подарок: тебя я съем последним, Никто.
С этими словами он опустился на землю.
Под действием вина через несколько минут великан погрузился в глубокий сон.
Одиссей подал знак.
Шестеро воинов достали спрятанный кол. Его остриё раскалили в огне. Люди дрожали от страха, но никто не отступил.
Одиссей встал впереди.
— Вместе, — прошептал он.
Они подняли кол.
И направились к единственному глазу Полифема.
Великан внезапно проснулся.
Пещеру потряс страшный рёв. Полифем вскочил, а воины бросили кол и разбежались к стенам. Великан шарил руками вокруг себя, но ничего не видел.
Снаружи слышались голоса других киклопов.
— Полифем! — крикнул один из них. — Кто напал на тебя?
Полифем повернулся ко входу.
— Никто! — заревел он. — Никто напал на меня!
За камнем на некоторое время воцарилась тишина.
— Если никто на тебя не нападает, зачем ты зовёшь нас? — спросил один из киклопов.
— Должно быть, боги наказали тебя.
Шаги начали удаляться.
Люди Одиссея, несмотря на страх, посмотрели друг на друга.
План сработал.
Но они всё ещё оставались запертыми.
Полифем отодвинул камень и сел у входа, широко раскинув руки.
— Никто из вас не уйдёт, — сказал он.
На рассвете овцы начали беспокойно двигаться, желая выйти наружу.
Полифем ощупывал спины и бока каждого животного перед тем, как выпустить его. Он полагал, что люди попытаются сбежать, сидя на овцах сверху.
Одиссей ходил среди стада и увидел самых больших баранов.

У него появился новый план.

Он разделил людей на группы по трое. Они связали овец бок о бок, и каждый воин спрятался под брюхом средней овцы. Так, когда великан ощупывал спины животных, он не мог заметить людей.

Сам Одиссей спрятался под самым большим бараном в стаде.

Овцы одна за другой выходили из пещеры.

Полифем ощупывал каждую.

Когда подошёл огромный баран, под которым висел Одиссей, великан остановил его.

Он провёл рукой по спине животного.

— Почему сегодня ты выходишь последним? — спросил Полифем. — Обычно ты всегда идёшь впереди стада.

Одиссей задержал дыхание.

Пальцы великана прошлись по густой шерсти.

— Может быть, ты печалишься о том, что случилось с твоим хозяином, — произнёс он.
— Если бы ты только мог сказать мне, где прячется этот Никто.

Наконец Полифем отпустил барана.

Когда Одиссей оказался снаружи, яркое солнце ударило ему в лицо.

Никто не заговорил, пока они не отошли далеко от пещеры.

Тогда воины выбрались из-под животных и со всех сил побежали к берегу. Они также увели с собой лучших баранов великана.

Добравшись до кораблей, Одиссей увидел Эврилоха.

— Поднять паруса! — крикнул он. — Немедленно!

Воины погрузили животных на суда. Канаты отвязали, и гребцы изо всех сил налегли на вёсла.

Когда корабль отошёл от берега, Полифем вышел из пещеры.

С рёвом он добрался до моря.

Когда судно оказалось на безопасном расстоянии, Одиссей не сдержался.

— Полифем! — крикнул он. — Тот, кто победил тебя в пещере, не Никто!

Эврилох попытался остановить его.

— Не называй своё имя!

Но гордость Одиссея оказалась сильнее разума.

— Это сделал Одиссей, сын Лаэрта, царь Итаки!

Полифем повернул голову на голос.

Он поднял с земли огромный камень и бросил его в море.

Камень упал совсем рядом с кораблём. Поднявшаяся волна понесла судно обратно к берегу. Люди в ужасе налегли на вёсла.

Полифем поднял руки к небу.

— Отец мой, Посейдон! — заревел он. — Если я действительно твой сын, не позволяй Одиссею вернуться домой!

Море мгновенно потемнело.

— А если ему всё же суждено вернуться, пусть это случится лишь через много лет! Пусть он потеряет всех своих людей и прибудет домой на чужом корабле!

В небе сверкнула молния.

Волны начали подниматься.

Слушая проклятие великана, Одиссей почувствовал, как исчезает радость победы. Он боялся уже не самого Полифема, а его молитвы.

Эврилох с гневом посмотрел на него.

— Зачем ты назвал своё имя?

Одиссей не смог ответить.

Корабли удалялись от острова, но крики Полифема всё ещё были слышны.
В тот день Одиссей победил великана своим разумом.
Но из-за собственной гордости сделал врагом повелителя морей.
А гнев Посейдона не был похож на гнев простого человека.
Бури были его дыханием.
Волны — его руками.
Всё море было его царством.
Глядя на исчезающий остров, Одиссей понял, что дорога домой стала гораздо опаснее.
Но он ещё не знал, какую страшную цену ему придётся заплатить.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ

Следующая глава: Повелитель ветров

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВЕТРОВ

Остров Полифема исчезал за туманом, а море вновь становилось спокойным.

Но никто на кораблях не чувствовал облегчения.

Люди Одиссея изо всех сил налегали на вёсла, стараясь как можно быстрее удалиться от чёрных скал. Рёв киклопа уже не был слышен, однако его проклятие словно продолжало следовать за ними по поверхности моря.

Небо оставалось ясным.

Ветер не был сильным.

И всё же Одиссей чувствовал: море изменилось.

Он стоял на носу корабля и смотрел вдаль. Солёные брызги ударяли в лицо, края плаща трепетали на ветру. По мере того как солнце поднималось, воздух становился жарче. Под доспехами собирался пот, кожаные ремни натирали плечи.

Но Одиссей почти не замечал жары.

В его голове звучал один вопрос:

Услышал ли Посейдон молитву Полифема?

Эврилох молча подошёл к нему. Гнев на его лице ещё не исчез.

Некоторое время он вместе с Одиссеем смотрел на море, а затем заговорил:

— Тебе не было необходимости называть своё имя.

Одиссей не ответил.

— Великан остался в пещере, — продолжил Эврилох. — Мы выбрались. Всё уже закончилось.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Одиссей сжал челюсти.

Он не хотел, чтобы Полифем запомнил его как Никого. Хотел, чтобы великан знал имя человека, который победил его хитростью. Не мог смириться с тем, что его отвага и разум останутся безымянными.

Однако произнести это вслух означало сделать собственную ошибку ещё тяжелее.

— Гордость, — наконец сказал он.

Эврилох удивлённо посмотрел на царя. Он не ожидал такого признания.

Одиссей не отрывал глаз от горизонта.

— Моя гордость оказалась сильнее рассудка.

— И теперь Посейдон может преследовать нас.

— Да.

Эврилох глубоко вдохнул.

— Что будем делать?

— То же, что делали до сих пор. Идти вперёд.

— А если бог морей действительно решил не позволить тебе вернуться?

Одиссей повернулся к нему.

— Тогда ему придётся останавливать меня каждый день.

Ответ прозвучал уверенно, но внутри Одиссея не было такой уверенности.

Он снова посмотрел на море.

В глубине души ему казалось, будто под кораблями движется огромная тень.

В течение нескольких дней суда плыли по спокойной воде. Запасы, взятые на острове киклопов, позволяли людям не страдать от голода. Они ели сыр, мясо и хлеб, который ещё оставался в трюмах. В деревянных загонах на палубах держали овец Полифема.

Поначалу воины радовались спасению.

Они рассказывали друг другу, как сумели выбраться из пещеры, и смеялись над тем, как другие киклопы не пришли на помощь Полифему, когда он кричал, что на него напал Никто.

Но с каждым днём смех становился тише.

Никто не забывал погибших товарищей.

И никто не знал, какое несчастье ждёт впереди.

На шестой день ветер внезапно изменился.

К вечеру море покрылось небольшими волнами. Паруса начали хлопать, будто не могли решить, в какую сторону им следует наполниться. Корабли сбились с прежнего направления.

Моряки пытались ориентироваться по солнцу и звёздам, но ночью небо затянуло облаками.

Одиссей почти не спал.

Он сам стоял у руля, поправляя курс при каждом изменении ветра. Время от времени ему казалось, что где-то впереди виднеется земля, но туман скрывал всё вокруг.

Утром дозорный крикнул:

— Остров!

Все посмотрели вперёд.

Среди серого тумана медленно появлялась огромная земля. Вокруг неё сияла длинная металлическая полоса.

Когда корабли приблизились, люди поняли, что это была стена.

Весь остров окружала высокая бронзовая ограда. Её поверхность отражала солнечные лучи и казалась огненной. Ни ворот, ни пристани сначала не было видно.

В центре острова возвышался дворец с множеством башен.

Над ними кружили облака.

Причём облака двигались странно. Одни вращались вокруг башен, другие поднимались прямо вверх, хотя ветра почти не было. Иногда над дворцом появлялась белая спираль, а затем мгновенно исчезала.

Эврилох подошёл к Одиссею.

— Ты когда-нибудь слышал об этом месте?

Одиссей кивнул.

— Возможно, это Эолия.

— Земля Эола?

— Повелителя ветров.

По кораблям прошёл взволнованный шёпот.

О царе Эоле рассказывали множество историй. Одни считали его человеком, которому боги доверили управление ветрами. Другие утверждали, что он сам был почти богом.

Говорили, что Эол способен выпускать бурю из подземных пещер и запирать ураганы за железными дверями. По его приказу западный ветер мог наполнить паруса, а северный — заморозить море.

Корабли медленно обогнули бронзовую стену.

Вскоре они увидели узкий проход и защищённую гавань. У берега стояли небольшие лодки, но ни одного военного корабля не было.

Люди на суше уже заметили пришельцев.

Вооружённые стражники в серых плащах выстроились у воды. Они не направили копья на суда, но внимательно наблюдали за каждым движением.

Одиссей приказал убрать оружие.

— Мы пришли как гости, — сказал он. — Пусть никто не совершает глупостей.

Когда его корабль коснулся пристани, вперёд вышел высокий мужчина.

— Назовите себя, — потребовал он.

Одиссей спустился на берег.

— Я Одиссей, сын Лаërта, царь Итаки. Мы возвращаемся с войны в Трое.

Стражник внимательно посмотрел на него.

Ветер неожиданно прошёл по пристани, поднял край его плаща и тотчас стих.

— Наш господин знает о вашем прибытии, — сказал мужчина.

Одиссей нахмурился.

— Мы только что подошли к острову.

— Ветры сообщили о вас раньше.

Стражники проводили гостей к дворцу.

По дороге Одиссей внимательно осматривался.

Эолия не была похожа ни на одну землю, которую он видел. Улицы были вымощены светлым камнем. Между домами росли высокие деревья, кроны которых постоянно шевелились, хотя воздух у земли оставался неподвижным.

На крышах вращались бронзовые колёса.

В узких башнях слышался свист.

Иногда из отверстий в стенах вырывались потоки воздуха и заставляли висящие колокольчики звенеть разными голосами.

Казалось, весь остров дышит.

Жители смотрели на воинов с любопытством, но без страха. Они были хорошо одеты и выглядели сытыми. На улицах стояли лавки, полные хлеба, фруктов и тканей.

После долгих дней в море это место казалось чудом.

Когда Одиссей вошёл в большой зал, он увидел Эола на троне, украшенном золотом.

Повелитель ветров не был стар, однако глубокие линии на лице придавали ему вид человека, прожившего множество жизней. Волосы у него были тёмными. На плечах лежал лёгкий серый плащ.

Хотя воздух в зале не двигался, края плаща непрерывно колыхались.

Рядом с Эолом сидели его сыновья и дочери.

Столы были покрыты хлебом, мясом, плодами и кувшинами вина.

Эол поднялся.

— Хитроумный герой Трои наконец прибыл на мой остров.

Одиссей удивился.

— Ты знаешь меня?

Эол улыбнулся.

— Ветры слышат многое. Они несут крики с полей битв, молитвы моряков и даже тайные слова царей.

Одиссей сразу вспомнил Полифема.

Если ветры слышали всё, Эол мог знать и о проклятии Посейдона.

— Значит, ты знаешь, что с нами случилось, — сказал он.

— Часть.

Эол указал гостям на стол.

— Сначала поешьте. Истории голодного человека обычно бывают короче, чем заслуживают.

Одиссей и его люди провели в Эолии целый месяц.

Их корабли отремонтировали. Повреждённые доски заменили, паруса обновили, кувшины наполнили водой, а трюмы — пищей. Раненых воинов лечили местные целители.

С каждым днём на лицах людей появлялось всё больше сил.

Впервые после Трои они могли спать, не выставя многочисленную стражу. Им не приходилось бояться ни великанов, ни ядовитых цветов, ни внезапного нападения.

Эол каждый вечер приглашал Одиссея к своему столу.

Он слушал рассказы о Троянской войне, деревянном коне и пещере киклопа. Когда Одиссей говорил, зал погружался в тишину. Особенно внимательно его слушали дети Эола.

Они просили снова рассказать, как воины прятались под овцами, и смеялись, услышав имя Никто.

Но сам Эол не смеялся.

Однажды вечером он поставил чашу с вином на стол.

— Назвать Полифему своё имя было большой ошибкой, — сказал он.

Одиссей опустил голову.

— Знаю.

— Гнев Посейдона не проходит быстро.

— Ты можешь помочь нам?

Эол задумался.

— Я не управляю морями. Эта власть принадлежит Посейдону.

— Но ветры подчиняются тебе.

— Я могу направлять их. Однако не способен полностью противостоять воле богов.

Надежда на лице Одиссея угасла.

Эол заметил это.

— И всё же я помогу тебе добраться домой.

— Как?

Эол не ответил.

Только улыбнулся.

Утром перед отплытием погода была необычайно спокойной.

Эол отвёл Одиссея в высокую башню за дворцом. В ней не было окон. За толстыми каменными стенами находился большой круглый зал.

Посреди него лежал огромный мешок из бычьей кожи.

Горловина была крепко связана серебряным шнуром.

Изнутри доносились странные звуки.

Вой, свист и далёкий грохот бурь смешивались друг с другом. Поверхность мешка временами вздувалась, затем снова опадала.

Одиссей осторожно приблизился.

— Что внутри?

Эол положил ладонь на кожу.

— Все встречные ветры.

Одиссей с изумлением посмотрел на него.

— Все?

— Северный, южный, восточный и те ветры, которые могли бы сбить тебя с пути. Я заключил их сюда.

— А какой ветер останется снаружи?

— Западный. Он доставит тебя к Итаке.

Одиссей посмотрел на мешок.

Он едва мог поверить, что внутри обычной кожи заключены силы, способные поднимать огромные волны и ломать мачты.

— Сколько займёт путь?

— Девять дней, если никто не откроет мешок.

— Никто не откроет.

Эол внимательно посмотрел ему в глаза.

— Не говори этого слишком уверенно.

Одиссей нахмурился.

— Почему?

— Люди часто боятся того, чего не понимают. Но ещё чаще они хотят открыть то, что им запрещено открывать.

— Я буду охранять его сам.

— Тогда не спи.

Одиссей едва заметно улыбнулся.

— После десяти лет войны девять дней почти ничего не значат.

Он взвалил мешок на плечо.

Тот оказался гораздо тяжелее, чем ожидалось. Когда ветры внутри двигались, мешок дёргался, словно живое существо.

Эол схватил Одиссея за руку.

— Запомни: даже увидев берега Итаки, не открывай его.

— Не открою.

— И не позволяй сделать это другим.

Одиссей кивнул.

Когда корабли покидали Эолию, мягкий западный ветер наполнил паруса.

Море было ровным.

Небо — ясным.

Остров Эола постепенно уменьшался за кормой, а люди радостно кричали. Впервые за долгое время они поверили, что возвращение домой действительно возможно.

Одиссей привязал мешок с ветрами рядом с рулём своего корабля. Он дважды проверил узлы серебряного шнура.

Эврилох смотрел на мешок.

— Что подарил тебе Эол?

— Дар, который обеспечит наше возвращение.

— Что внутри?

— Тебе не нужно это знать.

Эврилох нахмурился.

— Почему?

— Потому что охранять его — моя обязанность.

Некоторое время Эврилох молчал.

— Золото?

— Нет.

— Оружие?

— Нет.

— Тогда что?

Голос Одиссея стал жёстким.

— Больше не спрашивай.

Эврилох отступил, но продолжал смотреть на мешок.

Первый день пути прошёл безупречно.

Западный ветер ни разу не изменил направления. Корабли следовали один за другим, легко скользя по воде. Людям не приходилось грести, и они могли отдыхать.

Второй день прошёл так же.

На третий день в небе появились облака, но дождя не было. Западный ветер уверенно нёс их на восток.

Одиссей всё это время почти не отходил от руля.

Он не выпускал мешок из виду. Ночью садился рядом с ним и позволял себе заснуть лишь на короткое время. Усталость становилась всё сильнее. Под глазами появились тёмные круги, борода отросла.

Люди не понимали, почему их царь так встревожен.

Вскоре по кораблям поползли слухи.

— Там сокровища Эола, — утверждал один из воинов.

— Наверное, золото и драгоценные камни, — говорил другой.

— Почему тогда царь не показывает их нам?

— Потому что хочет оставить всё себе.

— Мы сражались рядом с ним. У нас должна быть доля.

Леод пытался остановить эти разговоры.

— Царь много раз спасал нам жизнь.

— Это не даёт ему права прятать сокровища.

— Возможно, внутри опасная вещь.

— Тогда зачем он привязал её к нашему кораблю?

Подозрение распространялось между людьми, как искра по сухой траве.

Эврилох не верил, что в мешке лежит золото.

Но тайна Одиссея тревожила и его.

Ему казалось, что царь больше не доверяет собственным людям.

В ночь восьмого дня дозорные увидели впереди землю.

Одиссей заметил горы на горизонте, и колени его едва не подкосились.

Итака.

В лунном свете едва различались берега острова. Очертания гор были такими же, какими он помнил их с детства.

Он оказался так близко к дому.

На берегу уже можно было увидеть огни.

Возможно, один из них горел рядом с его дворцом.

Возможно, Пенелопа в эту самую минуту стояла у окна и смотрела на море.

Глаза Одиссея наполнились слезами.

— Наконец, — прошептал он.

Девять дней он почти не спал, боясь, что люди приблизятся к мешку.

Но теперь Итака была рядом.

До берега оставалось всего несколько часов.

Одиссей в последний раз проверил серебряный узел. Затем передал руль Эврилоху.

— Не меняй направление.

— Не изменю.

— Не прикасайтесь к мешку и не открывайте его, пока я не проснусь.

Эврилох кивнул.

— Хорошо.

Одиссей лёг у края палубы.

Едва он положил голову на руку, как сразу провалился в глубокий сон.

Некоторое время все молчали.

Корабли продолжали идти к Итаке.

Одиссей спал.

Мешок, наполненный ветрами, слегка шевелился.

Один из моряков подошёл к Эврилоху.

— Сейчас мы можем открыть его.

Эврилох покачал головой.

— Царь запретил.

— Потому что хочет забрать всё себе.

— Он сказал, что там не золото.

— А ты ему веришь?

Эврилох посмотрел на спящего Одиссея.

— Не знаю.
Другой воин подошёл ближе.
— Мы только заглянем и сразу закроем.
Леод с ужасом посмотрел на них.
— Не делайте этого.
Эврилох протянул руку к серебряному шнуру.
Узел был затянут очень крепко. Он достал нож и начал осторожно ослаблять его.
Гул внутри мешка усилился.
— Слышите? — сказал один из воинов. — Это монеты ударяются друг о друга.
Леод покачал головой.
— Это не деньги.
Узел поддался.
Горловина мешка открылась всего на ширину пальца.
Сначала ничего не произошло.
Затем послышался тонкий свист.
Через мгновение мешок резко раздулся.
Серебряный шнур вырвался из рук Эврилоха.
Горловина распахнулась полностью.
Все ветры одновременно вырвались наружу.
Корабль содрогнулся от страшного удара.
Северный ветер обрушился на палубу ледяным дыханием. Южный принёс горячий и тяжёлый воздух. Восточный и западный столкнулись над морем, создав огромный вихрь.
Паруса рвануло в разные стороны.
Мачты затрещали.
Люди попадали на палубу.
Одиссей открыл глаза и увидел вокруг кричащих воинов и рвущиеся канаты.
Берег Итаки стремительно удалялся.
— Что вы сделали?! — закричал он.
Эврилох лежал на палубе с пустым мешком в руке.
— Царь мой, мы...
Одиссей бросился к нему.
— Вы открыли его!
Волна ударила в борт, и оба покатались по палубе.
Одиссей снова поднялся и попытался удержать руль, но ветры дули с четырёх сторон, делая корабль неуправляемым.
Огни Итаки становились всё меньше.
— Уберите паруса! — закричал он.
Люди бросились к канатам, но ветер был слишком силен.
Один из парусов разорвался и улетел в море.
Одиссей беспомощно смотрел на берег.
Ещё несколько часов — и он ступил бы на родную землю.
Теперь невидимые руки снова тащили его корабль в открытое море.
Девять дней пути исчезли за несколько минут.
Ветры понесли их на запад, обратно к Эолии.
Они много часов боролись с бурей.
Но ничего не могли изменить.
Утром Итака полностью исчезла.
К полудню впереди вновь появился остров, окружённый бронзовой стеной.
Эолия.

Ветры вернули их туда, откуда они отправились.

Одиссей сошёл на берег один.

Одежда промокла, волосы прилипли к лицу. От усталости он едва держался на ногах. В руках нёс пустой мешок.

Увидев его перед дворцом, Эол удивился.

— Как ты вернулся?

Одиссей опустил голову.

— Мои люди открыли мешок.

Тёплое выражение исчезло с лица повелителя ветров.

— Вы не достигли Итаки?

— Мы видели её берега.

— Что произошло потом?

— Я заснул. Они решили, что внутри золото.

Эол долго молчал.

Одиссей протянул ему пустой мешок.

— Помогите нам ещё раз.

Эол не взял его.

— Нет.

Одиссей поднял голову.

— Что?

— Я уже один раз отдал тебе ветры.

— Мои люди совершили ошибку.

— А ты совершил ошибку, скрыв от них правду.

Лицо Одиссея стало жёстким.

— Ты отправишь нас на смерть?

Эол отступил на несколько шагов.

— Я не могу второй раз помогать человеку, которому так явно препятствуют боги.

— Из-за Посейдона?

— Возможно, из-за Посейдона. Возможно, из-за других богов. А возможно, из-за ваших собственных решений.

Одиссей сжал кулаки.

— Мы были совсем близко к Итаке.

— Быть близко — ещё не значит прибыть.

— Дай мне хотя бы западный ветер.

Эол покачал головой.

— Покинь мой остров.

На мгновение Одиссей подумал о том, чтобы броситься на него.

Но вокруг стояли воины Эола. Кроме того, он понимал, что невозможно силой заставить повелителя ветров повиноваться.

— Ты отправляешь нас без пищи и воды.

— Я уже снабдил ваши корабли всем необходимым.

— Часть припасов пропала во время бури.

Голос Эола стал холодным.

— Тогда береги то, что осталось.

Одиссей продолжал стоять перед ним.

Эол отвернулся.

— Уходи до заката. Я не хочу, чтобы несчастье, преследующее тебя, осталось на моём острове.

Одиссей медленно опустил пустой мешок.

Просить больше не имело смысла.
Он вернулся к кораблям.
Воины ждали его молча.
Никто не решался спросить, согласился ли Эол помочь.
Одиссей бросил пустой мешок на палубу.
— Нас прогнали.
Некоторые люди опустили головы.
Леод посмотрел на Эврилоха.
Эврилох не произнёс ни слова.
Когда корабли покидали гавань, западный ветер больше не помогал им. Море было почти неподвижным, и людям пришлось снова взяться за вёсла.
Они гребли весь день.
Никто не пел.
Никто не говорил об Итаке.
Одиссей стоял у руля и смотрел вперёд.
Он сердился на своих людей.
Сердился на Эола.
Сердился на Посейдона.
Но сильнее всего — на самого себя.
Он не доверил своим людям правду.
Они не доверились ему.
И этого оказалось достаточно, чтобы потерять дом, находившийся всего в нескольких часах пути.
Несколько дней корабли двигались без попутного ветра.
Воины выбивались из сил. На ладонях появились кровавые мозоли, плечи болели от непрерывной работы. Запасы воды уменьшались.
Днём солнце обжигало их.
Ночью холодный ветер заставлял дрожать.
На шестой день впереди показались высокие скалы.
Между ними находился узкий проход в большую гавань. Вода внутри была совершенно спокойной, словно тёмное зеркало. По обеим сторонам поднимались отвесные утёсы.
Утомлённые моряки обрадовались.
— Наконец безопасная гавань!
Один за другим корабли начали входить в узкий пролив.
Однако Одиссей не спешил.
Он смотрел на вершины скал.
Там не было птиц.
На берегу не было рыбаков.
И всё же из-за утёсов поднимался дым.
Одиссей приказал своему кораблю остаться у входа в гавань.
Остальные суда прошли внутрь и привязались у берега.
Некоторые капитаны посмеялись над его осторожностью.
Но Одиссей больше не хотел доверять спокойным местам.
Солнце начало заходить.
Тени скал накрыли гавань.
Где-то далеко раздался тяжёлый удар, словно на землю упал огромный камень.
Затем ещё один.
Земля под ногами едва заметно дрогнула.
Но пока никто не понял, что означали эти звуки.

Одиссей и его люди прибыли в страну лестригонов.
И на этот раз перед ними окажется не один великан.

КОНЕЦ ЧЕТВЁРТОЙ ГЛАВЫ

Следующая глава: Гавань великанов

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГАВАНЬ ВЕЛИКАНОВ

Когда солнце исчезло за высокими скалами, вода в гавани превратилась в тёмное зеркало.

Одиннадцать кораблей Одиссея прошли через узкий пролив и встали у берега почти вплотную друг к другу. Только его собственное судно осталось снаружи. Он привязал его за большим камнем у входа в гавань и приказал закрепить канаты так, чтобы их можно было быстро освободить.

Некоторым воинам эта предосторожность казалась ненужной трусостью.

Гавань действительно выглядела безопасной. Волны открытого моря не могли проникнуть между двумя высокими утёсами. Вода внутри почти не двигалась. Для моряков, много дней просидевших за вёслами, это место казалось убежищем, посланным богами.

Но Одиссей не доверял этой тишине.

Скалы поднимались так высоко, что сумрак лёг на гавань ещё до захода солнца. На краях утёсов росли одинокие сосны, согнутые постоянными ветрами в сторону моря.

Не было слышно ни птиц, ни животных.

Ещё более странным казался дым, поднимавшийся из-за скал.

Где-то горели огни.

Где-то жили люди.

Или существа, лишь напоминавшие людей.

Леод подошёл к Одиссею и посмотрел на остальные корабли, привязанные внутри гавани.

— Другие капитаны хотят провести ночь там, — сказал он.

— Знаю.

— Наши люди тоже хотят присоединиться к ним. Они не желают спать среди этих камней. Одиссей поднял голову и осмотрел вершины утёсов.

— Мы останемся здесь.

— Они решат, что ты боишься.

— Пусть.

Леод удивлённо посмотрел на царя.

Одиссей редко позволял другим считать себя трусом. Но после Полифема и мешка ветров он начинал понимать, что гордость иногда бывает опаснее страха.

— У этой гавани только один выход, — сказал он. — Если что-нибудь случится внутри, корабли не смогут покинуть её одновременно.

Леод снова посмотрел на узкий пролив.

Через него действительно могло пройти лишь одно судно.

— А что может случиться?

— Именно этого я пока не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.